

⁹² Там же, д. 66, л. 14; д. 79, л. 72, 74.

⁹³ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 364–365.

⁹⁴ Там же. С. 375.

⁹⁵ ГА ВО, ф. 6285, оп. 1, д. 95, л. 166.

⁹⁶ Там же, д. 91, л. 4.

⁹⁷ Религии междуречья Волги и Дона: справочно-информационный сборник. Волгоград, 2000. С. 374.

© 2012 г. А. А. ГЕРМАН*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1918–1941 гг.)

В сложной и противоречивой истории Поволжья первой половины XX в. особым феноменом стало существование немецкой национально-территориальной автономии¹. По иронии судьбы период, когда поволжские немцы имели свою государственность, стал заключительным и наиболее драматичным в 177-летней истории их проживания на берегах великой российской реки. Депортация 1941 г. положила конец существованию поволжских немцев как самобытной этнической группы.

Начало же ее формирования относится к 1760-м гг. Будущие колонисты были приглашены императрицей Екатериной II с целью заселения и культурного освоения обширных и почти безлюдных приграничных территорий, в том числе – Среднего Поволжья. В постоянной борьбе с суровой природой и засушливым климатом, неустроенностью, болезнями, голодом, набегами кочевников, стойко перенося все превратности бюрократического управления, колонисты создали высокопродуктивные хозяйства, чем способствовали подъему экономики края. Продолжительное время (до начала 1870-х гг.) поволжские немцы жили достаточно изолированно под особым управлением, что позволило им сохранить язык, традиционный крестьянский уклад жизни, хоть и подвергшийся сильному влиянию окружающей природной и социальной среды, но, однако, во многом сохранивший элементы крестьянской жизни в германских государствах. В результате реформ 1870-х гг. немцы лишились имевшихся ранее привилегий, особого управления и получили статус поселян-собственников. Преодолев некоторую первоначальную растерянность², вызванную серьезными переменами в их жизни и судьбе, поволжские немцы смогли довольно быстро выйти из изоляции, интегрировались в местный социум, заняли заметное место в городской экономике, сельском хозяйстве, местном самоуправлении и в культурной жизни региона. Они призывались на службу в армию и участвовали в русско-турецкой (1877–1878 гг.) и русско-японской (1904–1905 гг.) войнах³. В региональном мультикультурном социуме немцы перестали восприниматься как чужие.

К 1914 г. по обоим берегам Волги насчитывалось более 200 колоний с населением свыше 400 тыс. человек⁴. Они располагались не только в сельской местности, но и в городах. Так, например, в Саратове в 1910 г. проживало свыше 4.8 тыс. немцев, что составляло 2.2% от всего населения города⁵. Немцы играли важную роль в хозяйствен-

* Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

ной жизни региона: они обрабатывали 1,3 млн га земли, из которых почти 1 млн га использовался для выращивания ценнейших пород пшеницы, славившихся не только в России, но и за рубежом. Валовый сбор зерновых в 1914 г. составил 473 тыс. т. В частном пользовании крестьян имелось 228 тыс. голов рабочего скота (лошадей, волов, верблюдов), 106 тыс. коров, 456 тыс. овец и коз, 108 тыс. свиней. Почти $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств относились к зажиточным⁶. Промышленность в колониях носила в основном кустарный характер. Наибольшее развитие получили производство сарпюничной ткани, сельскохозяйственного инвентаря, мукомолье, переработка леса, выделка кож, плетение корзин и др. В Саратове в руках немцев-предпринимателей находились мукомольные, машиностроительные, текстильные, полиграфические и другие предприятия. Процветала торговля товарами местного производства⁷. Благодаря высокой религиозности немцы смогли сохранить многие элементы традиционной культуры, ментальные черты представителей европейской цивилизации. Постепенно сложилась достаточно стройная система образования. По сведениям 1909 г. только в 133 немецких селах находилось около 350 школ разных типов. Грамотность немецких детей была одна из самых высоких в России⁸.

В 1914–1915 гг. поволжские немцы собирались широко отметить 150-летие своего поселения в Саратовском Поволжье, однако этому помешала Первая мировая война, ставшая началом рокового поворота в их судьбе: на немцев обрушилась волна недоверия, клеветы, дискриминации по национальному признаку, которая во многом направлялась из правительственных кругов. Государством был объявлен ряд мер, направленных против «немецкого засилья» в стране: запрещались все немецкие общественные организации, немецкоязычная пресса, преподавание в школе, публичные разговоры на немецком языке и др. В конце 1914 г. все немецкие населенные пункты были переименованы, получив русские названия. Так, например, Екатериненштадт стал называться Екатериноградом, колония Зихельберг получила название – Серпогорье, Блюменфельд – Цветочное и т.п. В феврале и декабре 1915 г. император Николай II подписал ряд законов, которые лишили немцев, проживавших в западных губерниях страны, их земельных владений и права землепользования. Эти законы планировалось распространить и на немцев Поволжья. Все немецкое население Поволжья подлежало выселению в Сибирь. Выселение хотели начать с весны 1917 г., но этому помешала Февральская революция⁹.

К чести многонационального населения Поволжья следует отметить, что антинемецкие настроения охватили общество не сразу. Какое-то время срабатывали иммунитет и толерантность, выработанные в процессе многих десятилетий совместного проживания и общения. В Саратове не было немецких погромов, как в Москве, Петрограде и некоторых других городах. Примечательно, что дважды, в 1914 и 1915 гг., городская дума своим большинством отклоняла предложение губернатора и части гласных о переименовании Немецкой улицы – одной из главных улиц Саратова¹⁰. 23 февраля 1917 г., в ответ на решение правительства о ликвидации немецкого землевладения в Поволжье члены городских дум, биржевых комитетов и земств Саратова и Покровска приняли совместное постановление, в котором говорилось: «Живущие среди нас немцы-колонисты суть такие же русские граждане, как и мы. В нашем краю колонисты являются незаменимыми сельскими хозяевами. Мы обязаны настойчиво, определенно заявить, что ликвидация немецких земель... является мерой... гибельной как для самих колонистов, так и для всего края. Она окажется чувствительной и для России¹¹.

И все же поволжским немцам пришлось испытать на себе результаты антинемецкого законодательства 1915–1916 гг., которое дискриминировало их во всех сферах экономической, политической и национально-культурной жизни, и пережить последствия антинемецких настроений, которыми прониклась значительная часть российского общества. После падения самодержавия действия «ликвидационных» законов было приостановлено, заметно снизилась антинемецкая истерия. Однако дискриминация во всех сферах общественной жизни сохранялась. Именно она, в условиях демократизации государства и общества, обусловила втягивание немцев весной 1917 г. в политиче-

скую жизнь, которой ранее у колонистов вообще не было. С весны 1917 г. в Саратове сформировалось и функционировало автономистское движение немцев (партия «Немцы Поволжья»), во главе которого стояли авторитетные немцы-саратовцы (предприниматели, учителя, инженеры, священнослужители) – Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, А. Бир, Я. Шмидт, И. Шлейнинг и др. Цель движения – отмена дискриминационных мер в отношении немецкого населения и создание условий для нормальной жизни и национально-культурного развития, при этом никаких политических задач, тем более связанных с созданием территориальной автономии, не выдвигалось. В то же время быстрое распространение радикальных социалистических идей обусловило создание Союза немцев-социалистов Поволжья – довольно рыхлой, маловлиятельной организации, объединявшей приверженцев различных социалистических партий в России. Наиболее активными были немцы-социалисты Саратова (Г. Клиндер, Г. Кёниг, В. Штромбергер и др.)¹², сотрудничавшие с местными большевиками.

В октябре 1917 г. в России и Саратовском Поволжье к власти пришли большевики. Их идеология являла собой полную противоположность европейской ментальности немецкого этноса, а агрессивная и тотальная реализация большевистских идей в государстве не оставляла немцам никаких надежд на сохранение традиционного образа жизни. В частности, уже к началу 1918 г. была разогнана «буржуазно-националистическая» организация «Немцы Поволжья», закрыта выпускавшаяся ею газета «Saratower Deutsche Volkszeitung», а Союз немцев-социалистов Поволжья активно использовался для установления советской власти в немецких колониях. Представители немецких колоний Поволжья на своем съезде в феврале 1918 г., с одной стороны, осудили захват власти большевиками, репрессии против своих национальных лидеров, закрытие газеты, с другой – приняли решение ходатайствовать перед Советским правительством о создании национально-территориальной автономии немцев Поволжья. Для этого в Москву к наркому по делам национальностей И.В. Сталину была отправлена делегация, которую возглавили немцы-социалисты Г. Клиндер и А. Эмих¹³. Однако большевиков заботило не свободное и суверенное развитие различных наций, а развертывание революционного процесса в нерусских областях. Так, 10 мая 1918 г. Сталин объяснял делегатам Совещания по созыву учредительного съезда Татара-Башкирской Советской республики, что дать автономию для того, чтобы внутри нее вся власть принадлежала национальной буржуазии, советская власть не может. Она за такую автономию, «где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов»¹⁴. Именно по такому сценарию Поволжским комиссариатом по немецким делам создавалась Автономная область немцев Поволжья (АО НП) в 1918 г.¹⁵

Декрет о создании автономии был подписан председателем Совнаркома РСФСР В.И. Лениным 19 октября 1918 г.¹⁶; в самый разгар Гражданской войны в Поволжье. Территория области формировалась путем чисто механического выделения немецких сел и принадлежавших им земель, некоторые из которых даже не были связаны между собой. Этот процесс встретил серьезное противодействие как саратовских, так и самарских губернских властей, не желавших терять развитые в сельскохозяйственном отношении подконтрольные местности. Однако они вынуждены были подчиниться жесткой политике центра в этом вопросе¹⁷.

Гражданская война и политика военного коммунизма превратили немецкую область, все время находившуюся на территории, подконтрольной красным, в один из главных источников продовольствия для Советской республики. Политика большевистского центра свелась к непрерывному «выкачиванию» из области зерна, мяса, других видов продовольствия¹⁸. Для отчетов областного комитета партии в ЦК РКП(б) стали привычными фразы «Все внимание областного комитета... поглощено продовольственной кампанией», «Пришлось пойти на сознательную приостановку почти всей работы, кроме продовольственной»¹⁹. Характер тотального террора против крестьянства предразверстка приняла с начала 1920 г.²⁰ Политика репрессий вызывала все большее возмущение и сопротивление крестьян. Если в 1919 г. стихийные крестьянские выступле-

ния были единичными, то с началом 1920 г. они стали приобретать все более массовый характер. Самое активное участие в этих выступлениях принимали женщины. Волна «женских бунтов» неоднократно прокатывалась по области. В марте 1920 г. «в силу быстрого развития эпидемии восстаний» в области было введено военное положение, власть перешла к ревкому. В мае поступила телеграмма предсовнаркома Ленина и наркомпрода А.Д. Цюрупы с требованием выполнить на 100% разверстку 1919–1920 гг. к 15 июля. Всю область разбили на 39 районов, в каждый район послали «продполитрука» с вооруженным отрядом красноармейцев. Для этой цели был в полном составе использован запасный пехотный полк, дислоцировавшийся в области²¹.

«Проднажим» вызвал усиление сопротивления крестьян. В Ровненском уезде их недовольство продразверсткой выразилось в оригинальной форме: развернулась широкая кампания за выход этого уезда из автономии и включение его в состав соседнего Новоузенского уезда Самарской губ., поскольку, как объясняли позже арестованные крестьяне села Моргентау, там норма продразверстки была существенно ниже, чем в немецкой области, и меньше было «грубости и издевательства над населением»²². Действительно, разница в нормах сдачи продовольствия, налагавшихся на немецкие и русские села поражает воображение. Осенью 1920 г. немецкое село Франк Бальцерского уезда, входившего в автономию, должно было сдать государству 93 тыс. пудов зерна, в то время как соседнее село Александровка Аткарского уезда Саратовской губ. – 3 тыс. пудов. Оба села насчитывали по 5 тыс. человек и имели пахотной земли примерно по 5,5 тыс. десятин. Колония Байдек получила продовольственный наряд на сдачу 200 тыс. пудов зерна, – столько же, сколько весь Камышинский уезд Саратовской губ.²³ «Положение на местах отчаянное.., – писал член облисполкома Я. Суппес из села Франк в ЦК ВКП(б). – Советы ошеломлены явно невыполнимыми требованиями наших органов по продовольствию и абсолютно растерялись. Никто ничего не понимает во всем происходящем, и руки опускаются даже у самых испытанных работников... Дана разверстка на хлебные наряды селам в размере, явно превышающем общий урожай этих сел, сельсоветам приказано райпромкомиссаром под страхом ареста и предания Ревтрибуналу Республики немедленно произвести разверстку и выполнить ее во что бы то ни стало. Сельсоветы беспомощно мечутся и не знают, что делать, они не знают, чем руководствоваться при разверстке наряда, который явно не может быть собран... Зачем толкать на провоцирование восстания?»²⁴.

Особенно трагическим для области стал 1921 г., когда сдача продовольствия существенно затормозилась и по просьбе областного руководства, не сумевшего собственными силами взять что-то у крестьян, в автономию был направлен большой (свыше 500 человек) хорошо вооруженный рабочий продовольственный отряд из Тулы. Его действия по «выкачиванию» хлеба в январе–феврале 1921 г. сопровождалось издевательством и мародерством, что привело к крестьянскому восстанию в марте–апреле 1921 г. Расследовавшая в апреле 1921 г. причины массового голода и восстания комиссия ВЦИК доказала случаи массовой порки крестьян, избиения беременных женщин и т.п. Командир отряда Попов признал, что в целях запугивания 90 арестованных крестьян были подвергнуты фиктивному расстрелу (им завязывали глаза, ставили их к стенке и стреляли поверх головы), отметив, что «мера принесла известный результат». «Если бы хлеб был в достаточном количестве, его взяли бы и без тульотряда, – докладывал комиссии член облисполкома А. Моор. – Правда, отряд выкачал известное количество зерна, но зато мы имеем теперь ряд сел, где хлеба нет совершенно. А поля наши в большинстве стоят черные, незасеянные, ибо крестьяне обобраны дочиста, амбары подметены метелкой. Вряд ли такая работа в интересах общегосударственных»²⁵.

За годы Гражданской войны из АО НП вывезли свыше 37 млн пудов (2,31 млн т) зерна (за это же время из Тамбовской губ., породившей «антоновщину», – около 12 млн пудов). К 1921 г. в области не осталось продовольственных запасов, однако вывоз хлеба и другого продовольствия в первые месяцы 1921 г. продолжался (всего в этот голодный год из немецкой автономии было вывезено (до нового урожая) свыше 1 млн пудов хлеба)²⁶. На автономию неумолимо надвигался голод (см. табл. 1).

Нарастание голода в Автономной области немцев Поволжья в 1921–1922 гг.

Месяцы	Количество голодавших хозяйств	Количество голодавших хозяйств в % от общего числа хозяйств
Август	33 373	56.7
Сентябрь	46 820	79.6
Октябрь	52 630	89.5
Ноябрь	55 117	93.7
Декабрь	56 219	95.6
Январь	57 017	96.9

Составлено по: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 2007. С. 122.

Зимой и весной 1922 г. голодало практически все население автономии. Его численность за 1921–1922 гг. сократилась на 160 тыс. человек (умершие и покинувшие область)²⁷. Последствия могли быть еще более катастрофичными, если бы не активные действия зарубежных благотворительных организаций, в первую очередь – Американской администрации помощи (АРА) и Международного союза помощи детям, возглавлявшегося Ф. Нансеном. Они помогли выжить населению автономной области в самые трудные месяцы²⁸. Политика, проводившаяся в 1918–1922 гг. большевистской властью в отношении немецких крестьян, и фактически организованный ею голод привели хозяйство немецкой области, особенно аграрную сферу, в полное расстройство. В сравнении с 1914 г. объем посевных площадей сократился в 3.5 раза, поголовье скота уменьшилось в 5.5 раз, объем валовой продукции сельского хозяйства снизился в 6.5 раз²⁹.

Экономическое восстановление автономии, начавшееся в 1922 г., сразу же обнаружило неудобство формирования ее состава по национальному принципу (анклавный характер территории). Поэтому был поставлен вопрос о так называемом «округлении» области, т.е. о присоединении к ней всех русских, украинских, эстонских, татарских сел и хуторов, располагавшихся между немецкими селами или находившихся в анклавах, глубоко врезавшихся в территорию АО НП. Вполне естественно, что руководство Саратовской губ., которой принадлежали земли, подпадавшие под «округление», отнеслось к предложению своих немецких соседей крайне негативно, хотя местные органы власти восприняли вопрос о своем вхождении в состав области доброжелательно или, по крайней мере, спокойно (более того, уездный Совет и уком РКП(б) Покровска, стремясь войти в состав немецкой автономии, не побоялись даже вступить в серьезный конфликт с Саратовскими губернскими органами). Поскольку взаимопонимания с «саратовскими товарищами» достичь не удалось, облисполком АО НП обратился во ВЦИК РСФСР с письмом, в котором дал подробную мотивировку «округления». Для разьяснения позиции области в Москву выезжали ее руководители А. Моор, И. Шваб, В. Курц. 22 июня 1922 г. ВЦИК закрепил ее «округление» декретом. В результате территория области выросла на 39%, достигнув 25.7 тыс. кв. км. Население увеличилось на 64% и составило 527.8 тыс. человек (67.5% немцев, 21.1 – русских, 9.7 – украинцев, 1.7% – других). Административный центр области был перенесен из Маркштадта в Покровск³⁰. «Отношение населения к округлению в начале было неопределенным, – отмечалось на X областном съезде Советов, – так как к тому времени распускались разного рода небылицы вроде таких, что дескать нас всю зиму кормили американцы, так нас теперь продали им... Масса товарищей была разослана на места для информации населения об истинном положении вещей и для разьяснения ему причин округления области. Настроение населения сразу определилось, и оно подтвердило необходимость

такого округления»³¹. Обнаружить свидетельства о недовольстве населения не удалось даже в документах саратовских губисполкома и губкома РКП(б).

В связи с «округлением», исходя из экономической целесообразности, было разработано новое административно-территориальное деление области – на 14 кантонов, среди которых были как чисто национальные (русские и немецкие), так и смешанные (их оказалось большинство). Несомненно, что все это существенно повысило жизнеспособность АО НП. Однако возникли и новые проблемы: неприязнь руководства соседней губернии, необходимость учитывать интересы появившихся национальных меньшинств и др.

На рубеже 1923–1924 гг. АО НП была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья (АССР НП). Инициатором перемен также стало руководство немецкой области (Г. Кёниг, И. Шваб, В. Курц, Г. Фукс и др.), подготовившее в октябре–ноябре 1923 г. специальную докладную записку в ЦК РКП(б) с подробным обоснованием необходимости этого преобразования³². В качестве причины выдвигалось предстоящее создание Нижневолжской экономической области, в состав которой немецкая автономная область должна была войти как округ, по аналогии с другими административными единицами. В записке не без оснований выражалось опасение, что снижение статуса автономии вызовет недовольство населения, негативно отразится на прямых взаимоотношениях с центральными наркоматами, поставит немецкую автономию в сильную зависимость от нового областного центра и, что особенно важно, «может нарушить все наши налаженные взаимоотношения с заграницей»³³.

13 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев на своем заседании вопрос «О реорганизации Немкоммуны в Автономную Республику», без особых прений постановило: «Принять предложение Обкома Коммуны Немцев Поволжья и НКНаца о реорганизации Немкоммуны в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья РСФСР»³⁴. Провозглашение АССР НП осуществилось 6 января 1924 г. на I съезде Советов новой республики, в постановлении которого, в частности, говорилось: «Съезд обращает внимание борющегося германского пролетариата на нашу маленькую автономию и этим еще раз подчеркивает различие между демократической свободой Германии, попираемой как собственным, так и европейским капиталом, и действительной свободой национальностей, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик»³⁵. Таким образом создание немецкой автономной республики было призвано поднять престиж советской власти за рубежом и морально поддержать германский пролетариат, высветив ему «ориентир» борьбы.

Российским немцам отводилась важная роль в осуществлении коминтерновской авантюристической политики экспорта революции. Осенью 1923 г., в связи с обострением социально-политической обстановки в Германии, обком РКП(б) на основании указаний ЦК в ряде секретных циркуляров предписывал кантональным и местным партийным организациям развернуть самую широкую пропаганду «возможности справедливой войны в поддержку германского пролетариата». Таким образом ставилась задача подготовки общественного мнения к возможной отправке в Германию «добровольцев» из поволжских немцев, которым бы пришлось помогать местным рабочим осуществлять «социалистическую революцию»³⁶. Однако кампания не дала должных результатов. 16 ноября 1923 г. на заседании бюро обкома было принято постановление, в котором весьма недвусмысленно отмечалось, что «крестьянство сознает необходимость поддержки германской революции, но предпочитает, чтобы эта поддержка была экономической и моральной. Слишком живы еще воспоминания об империалистической и гражданской войнах, слишком болезненно ощущается общий упадок хозяйства»³⁷. Это мнение было доведено до сведения ЦК РКП(б) и исполкома Коминтерна, и не исключено, что оно оказало определенное отрезвляющее воздействие на тех, кто готовил авантюру с оказанием помощи германской революции.

27 августа 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос «О мероприятиях, необходимых для расширения работы Немреспублики в Германии». Специальным пос-

тановлением АССР НП предоставлялась определенная самостоятельность в налаживании экономического сотрудничества с зарубежными организациями, что должно было, исходя из «политического значения» автономной республики, способствовать развитию ее экономики³⁸. В 1925–1926 гг. высшие руководители АССР НП (председатель совнаркома В. Курц и председатель ВЦИК И. Шваб) совершили визиты в Германию для «раскручивания» культурных и особенно экономических связей, которые приносили республике немалые выгоды³⁹. Однако центральные власти, допуская такое сотрудничество исключительно из соображений политической конъюнктуры, ревниво следили за этими действиями руководства АССР НП и постоянно корректировали их. В конце 1920-х гг., когда иллюзии скорой мировой революции рассеялись и победил курс на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, вся зарубежная деятельность немецкой автономии была свернута. Полностью остановился и без того слабый процесс возвращения в Поволжье эмигрантов, поскольку он начал обставляться заведомо невыполнимыми условиями.

В 1924 г. только что созданная республика пережила засуху и недород. Руководство СССР предприняло определенные меры по оказанию продовольственной помощи немецкой автономии, однако «классовый подход» к ее распределению привел в ряде кантонов и сел к повторению голода. В первую очередь помощь получали советские и коллективные хозяйства, а также «маломощные крестьяне». «Классовый принцип» обком партии Немреспублики распространял и на благотворительную помощь, поступающую из-за рубежа. 20 сентября 1924 г. пленум обкома РКП(б) АССР НП в секретном постановлении потребовал от местных партийных и советских работников распределять поступающую из Германии и Америки благотворительную помощь не поровну между жителями голодающих сел, как того требовали зарубежные жертвователи, а «придерживаясь классового принципа... не останавливаясь даже перед совершенным исключением кулаков»⁴⁰. К концу 1924 г. голод в Немреспублике принял массовый характер. В январе 1925 г. голодало: в Мариентальском кантоне – 94%, Маркштадтском – 33,8, Красно-Кутском – 24,4, Франкском – 34,3, Бальцерском – свыше 90% населения⁴¹. Особенно пострадали «кулаки» – предприимчивые и трудолюбивые крестьяне, успевшие хозяйственно окрепнуть за предшествующие полтора года.

Первые результаты нэпа проявились в народном хозяйстве АССР НП в 1925 г. В экономику начали проникать элементы рынка, получили распространение разные формы кооперации, оздоравливалась вся система товарно-денежных отношений. По темпам восстановления сельского хозяйства республика заметно опережала своих соседей. Так, посевные площади в АССР НП в 1926 г. выросли по сравнению с 1923 г. на 70,2%, тогда как в Саратовской губ. – на 16,4%, а по стране в целом – на 13,1%⁴². Стремительно росло и поголовье скота (см. табл. 2).

К 1929 г. был почти восстановлен довоенный уровень сельского хозяйства республики, хотя экономически неоправданные структурные изменения в нем существенно снизили качество и ценность зерновой продукции⁴³, привели к постоянной нехватке рабочего скота. Сдерживающим фактором в развитии деревни оставалась «классовая политика». Страх перед возможным усилением «кулака» заставлял большевистский режим ограничивать и ущемлять хозяйства, становившиеся зажиточными. «Кулак теперь до известной степени растерялся, – с гордостью отмечало партийное руководство Немреспублики на 16 областной конференции ВКП(б) в 1928 г., – и не знает, как защититься против тяжелого налогового обложения. Вы знаете, что по нашей Немреспублике налоговое обложение увеличилось на 75%, и главная тяжесть этого налогового обложения падает на зажиточно-кулацкие группы»⁴⁴. «Кризис хлебозаготовок» конца 1920-х гг., имевший место и в АССР НП, сталинская группировка использовала для возврата к военно-коммунистическим методам хозяйствования на селе. Новая «чрезвычайщина» в селах автономной республики началась с конца 1927 г. и осуществлялась весьма жесткими методами. Все кантоны автономии охватила волна репрессий, ставшая прелюдией к сплошной коллективизации.

**Сравнительные темпы прироста поголовья скота в 1926–1927 гг. в АССР НП
и Саратовской губернии (1923 г. – 100%), %**

Виды скота	1926		1927	
	АССР НП	Саратовская губ.	АССР НП	Саратовская губ.
Лошади	165	125	208	129
Крупный рогатый скот	212	137	225	142
Овцы и козы	260	157	293	161
Свиньи	627	290	858	328
Всего	316	180	396	190

Составлено по: Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе, ф. 849, оп. 1, д. 179, л. 43, 83, 84.

**Рост промышленного производства в СССР, АССР НП и Саратовской губернии в
сравнении с 1913 годом, %**

Год	СССР	АССР НП	Саратовская губ.
1913	100	100	100
1925–1926	95	65.5	47.3
1926–1927	112	89	86

Составлено по: Государственный архив новейшей истории Саратовской области, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 52; д. 1355, л. 64 об.

В 1924–1928 гг. происходило восстановление промышленности республики, темпы которого, однако, существенно уступали общесоюзным, хотя и несколько опережали темпы восстановления промышленности Саратовской губ. (см. табл. 3).

Отставание АССР НП в восстановлении промышленности объясняется следующими причинами. В 1920-х гг. по стоимости производившейся продукции ведущее место занимали государственные предприятия, с которыми пыталась конкурировать кооперация (в 1926/27 хозяйственном году она даже обошла их). Частное предпринимательство, несмотря на некоторое развитие к середине 1920-х гг., играло незначительную роль в экономике Немреспублики, что не в последнюю очередь определялось «классовым подходом» руководства АССР. Существенным тормозом в деле восстановления и развития местного хозяйства стало почти полное отсутствие финансирования из центра. Возможности же республиканского бюджета были весьма ограничены, поскольку он сам постоянно нуждался в отчислениях. Ни государственная, ни кооперативная промышленность не могли насытить рынок товарами первой необходимости. К концу 1920-х гг. довоенного уровня производства достичь так и не удалось.

В политической жизни АССР НП в 1920-е гг., как и в стране вообще, ведущую роль играли коммунистические партийные организации. Неприятие немцами большевистской идеологии после Гражданской войны настолько бросалось в глаза, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП(б) АССР НП вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев⁴⁵.

В рамках «ленинской национальной политики» провели ряд политических акций и кампаний, которые, по мысли их организаторов, должны были укрепить правовой

статус и повысить уровень государственного суверенитета Немреспублики как одного из этнополитических образований советского типа внутри СССР. Наиболее значимой акцией подобного рода стало принятие в 1926 г. Конституции АССР НП, которую в Москве, однако, так окончательно и не утвердили, поэтому она не действовала⁴⁶. Политика коренизации, проводившаяся в республике с 1924 г. и предполагавшая укрепление немцев как титульной нации не принесла ожидавшихся результатов, поскольку противоречила общим интересам местной интернациональной русско-немецко-украинской партбюрократии. Ужесточение политики коренизации в 1927 г., попытки насильственного внедрения немецкого языка во все сферы общественной жизни привели лишь к ухудшению межнациональных отношений в республике и к всплескам на бытовом уровне русского национализма, явившегося своеобразной реакцией русского населения на проводившиеся в Немреспублике кампании. Руководство АССР НП справедливо видело его источники в непоследовательной и двуличной политике центра: «Представьте себе, что Москва дает определенные директивы, а места выполняют эти директивы. Те, над которыми выполняются эти директивы, рассуждают так: “Калинин писал, что не надо делать нажим в хлебозаготовках, Рыков писал, что не надо насильно распространять облигации, ясно, что Покровск это делает, тут немцы виноваты...” У нас говорят, что “немцы нас насилуют”, – это самый простой перевод какого-нибудь политического вопроса на национальный язык»⁴⁷.

Культура, где главным образом и проявляются национальные запросы, все 1920-е гг. находилась в Республике немцев Поволжья на задворках общественной жизни. Увлечение большевистского руководства экономическими и политическими проблемами нанесла ей огромный урон. Газеты, журналы, брошюры, предельно политизированные, не уделяли внимания вопросам культуры. Те же из них, которые, сопротивляясь политическому диктату, пытались это делать, подвергались гонениям и закрывались. Подобная судьба постигла один из лучших журналов – «Unsere Wirtschaft»⁴⁸. Система национального образования поволжских немцев фактически была сведена на нет. Постоянно не хватало национальных учительских кадров, учебной и другой литературы на немецком языке. Образовательный уровень немецких детей скатился к 1929 г. до одного из самых низких в СССР .

Едва ли не единственным прибежищем национальной культуры являлся республиканский краеведческий музей, возглавлявшийся Г. Дингесом, однако и он испытывал все более жесткое идеологическое давление. Экспозиции выхолащивались, теряя национальную специфику. К началу 1930-х гг. в музее произвели основательную кадровую «чистку», многие его сотрудники, в том числе и директор, подверглись репрессиям⁴⁹.

Важнейшим элементом духовной жизни автономии в 1920-х гг., особенно в селах, оставалась религия, что вызывало большие опасения у партийного руководства АССР НП. На 16 областной конференции ВКП(б) в 1928 г. с беспокойством отмечались «огромные» размеры средств, затрачивавшихся населением в поддержку религиозных организаций, наличие у православных, католиков и лютеран «сотен платных работников», указывалось, что каждая из перечисленных конфессий в Немреспублике имеет финансовые средства, которые «значительно превышают объединенные бюджеты партии и профсоюзов». Отмечалось также быстрое усиление влияния различных протестантских сект. «Даже такая изолированная секта, как секта танцбрудеров (танцующих братьев. – А.Г.), приобретает десятки новых приверженцев, другие секты приобретают их сотнями и тысячами»⁵⁰. Сильно укрепила свои позиции секта бетбрудеров (молящихся братьев), в которую в основном вступали «кулаки», поскольку двери в государственные, общественные или кооперативные организации перед ними были плотно закрыты. Бетбрудерские организации имели в своих рядах и середняков, бедняков, батраков. Возникла «религиозная солидарность», вызывавшая сильнейшую тревогу партийного руководства АССР НП. «На 11-м году советской власти массовое распространение всяких сект и религиозных учений – это совсем не то явление, которое мы ожидали», – сетовали на 16 облпартконференции⁵¹. К концу 1920-х гг. в Немреспублике, как и по всему СССР, в кругах партийных функционеров укрепилось мнение, что

без широкого «фронтального» наступления на религию невозможно будет приступить к «развернутому строительству социализма».

Завершение нэповского периода истории автономной республики ознаменовалось ее вхождением в состав только что образованного Нижневолжского края. Оно осуществилось на основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1928 г.⁵² и вызвало неоднозначную реакцию жителей республики. Часть немецкого населения, в том числе и многие представители интеллигенции, выступили против этого акта, не без оснований полагая, что он приведет к еще большему ущемлению прав автономии. Подобные проявления «национализма» были быстро пресечены. V чрезвычайный съезд Советов, проходивший 18–19 июня 1928 г., принял решение «О вхождении Немреспублики в Нижне-Волжский край»⁵³.

В АССР НП первой и главной ступенью «развернутого наступления социализма по всему фронту» стала коллективизация, начавшаяся осенью 1929 г. и завершившаяся в середине 1931 г. Эта кампания сопровождалась беспрецедентным насилием и произволом. Более чем в 30 селах Немреспублики начались массовые выступления крестьян, в ходе которых освобождали арестованных, распускали колхозы, забирали назад отобранное в ходе огульной коллективизации и раскулачивания имущество⁵⁴. В селе Мариенфельд Каменского кантона восставшие разогнали сельсовет, партийную ячейку, дали отпор нескольким попыткам милиции захватить село и арестовать «зачинщиков». Восстание было подавлено лишь во второй половине января вооруженным отрядом ГПУ. Репрессиям подверглись свыше 60 крестьян. События в Мариенфельде вызвали серьезную обеспокоенность в ЦК ВКП(б). От обкома ВКП(б) АССР НП потребовали подробного отчета о произошедших в Мариенфельде выступлениях и принятия мер к недопущению подобных явлений впредь⁵⁵. Жители сел Байдек, Моргентау, Обермонжу, Орловское и др. по 2–3 дня не давали раскулачить и вывезти своих односельчан. Это удалось сделать только с применением вооруженной силы. Но даже после этого крестьяне продолжали требовать возврата высланных из села, возвращения им отобранного имущества.

Конечно, нельзя обойти того факта, что власти удалось расколоть немецкое население. Среди немцев были люди, безоглядно принявшие большевистский режим, служившие ему верой и правдой. Коллективизацию и раскулачивание в немецких селах проводили те же немцы-односельчане, а не кто-то со стороны. Эти же люди писали и доносы на своих соседей, коллег по работе, принимали участие в осуществлении репрессий, подчас, сами становясь их жертвами. Объективности ради надо отметить, что слой таких людей был значительно уже, чем у многих других советских народов, но это компенсировалось недюжинным чисто немецким упорством и педантизмом в достижении цели, особой жестокостью и непреклонностью.

К лету 1931 г. в ходе «раскулачивания» свыше 25 тыс. человек выслали за пределы АССР НП, сотни арестовали и репрессировали⁵⁶. По всей стране было объявлено, что республика первой в СССР завершила сплошную коллективизацию⁵⁷. В итоге в автономии исчезли тысячи самых продуктивных крестьянских хозяйств, более чем в два раза сократилось поголовье скота. Колхозы, только еще становившиеся на ноги, были не в состоянии компенсировать потери. Однако государство безостановочно выкачивало оттуда продовольствие. По сути, в 1930–1932 гг. в республике вновь имела место продразверстка, сопровождавшаяся вопиющим попранием интересов и прав населения. Политика большевистского режима вновь привела к массовому голоду, достигшему своего пика зимой и весной 1933 г. Жертвами этого голода в республике стали свыше 55 тыс. человек – главным образом лица, попавшие под жернова сталинских кампаний коллективизации, раскулачивания, хлебозаготовок и др. Покинули автономную республику, спасаясь от голода, свыше 100 тыс. человек⁵⁸.

Форсированная индустриализация, проводившаяся в СССР, лишь краем коснулась АССР НП. В годы первой пятилетки реконструировали и расширяли уже существовавшие полукустарные предприятия, второй – построили несколько сравнительно крупных промышленных объектов всесоюзного значения: Энгельсский мясокомбинат,

Гуссенбахский консервный завод и др. Рабочие и инженеры республики участвовали в строительстве железнодорожного моста через Волгу. Он был введен в эксплуатацию в 1935 г. и связал Саратов с Энгельсом и всем Заволжьем⁵⁹. К концу второй пятилетки был превзойден дореволюционный уровень развития промышленного производства, однако население не ощущало плодов индустриализации, поскольку вся продукция, особенно продовольственные товары, вывозилась за пределы АССР НП. Кроме того, в эти годы очень слабо развивались энергетика, транспорт, связь, коммунальное хозяйство городов и рабочих поселков, что означало сохранение прежних, далеко не завидных условий труда и жизни рабочих. Так, в столице республики, Энгельсе, в 1935 г. в среднем на одного жителя приходилось 2,7 кв.м жилья (в 1926 г. – 4,1 кв. м)⁶⁰.

В 1930-х гг. немцам пришлось пережить и специфические репрессивные кампании, вызванные наличием у них исторических корней за пределами СССР. Первой из них стала кампания «борьбы с фашистами и их пособниками», направленная на отказ от зарубежной гуманитарной помощи, поступавшей поволжским немцам от родственников, знакомых, от общественных организаций в связи с массовым голодом в СССР, факт которого тщательно скрывался властями. Начало кампании положило постановление ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г., в котором говорилось: «В районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем, местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам и другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим гуманитарную лояльность к советской власти». «ЦК ВКП(б) считает подобное поведение парторганизаций и органов НКВД совершенно неправильным, – указывалось далее, – и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционерам и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». Особо подчеркивалось, что местные органы власти «должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок»⁶¹.

В печати, по радио, на местах развернулась разнузданная кампания по формированию негативного общественного мнения по отношению к «фашистской помощи» и тем, кто ее принимал. Распространителей гуманитарной помощи стали называть фашистами, тех кто ею пользовался – их пособниками. Инспирировались и широко пропагандировались факты демонстративного отказа от помощи. Поступавшая иностранная валюта «по просьбе немецких трудящихся» перечислялась на счет Международной организации помощи борцам революции⁶². К концу 1935 г. получение гуманитарной помощи советскими немцами из-за рубежа фактически прекратилось. Быстро укреплявшаяся и развивавшаяся нацистская Германия представляла в глазах советского руководства все большую опасность для СССР. Отсюда – неприязненное и подозрительное отношение к поволжским немцам, уже неоднократно проявлявшим массовую нелояльность к большевистскому режиму. Развернулся активный поиск «фашистских контрреволюционных организаций». Начались массовые репрессии. Судя по донесениям органов НКВД, «фашисты» буквально наводнили республику: «пробрались» в местные органы власти, в колхозы, совхозы, МТС, на предприятия, «свили свои гнезда» в вузах, техникумах, школах, «засорили» редакции газет, культурные учреждения. 15 января 1935 г. управление НКВД АССР НП сообщило в обком ВКП(б), что с начала кампании (т.е. всего за два месяца) им «изъято фашистского элемента» – 187 человек⁶³.

Весной и летом 1937 г. органами НКВД было сфабриковано крупное дело о существовании в Немреспублике мощной подпольной националистической фашистской организации, якобы ставившей своей целью свержение советского строя, помощь Германии в подготовке к войне с СССР, срыв, путем вредительства, строительства социализма в Советском Союзе. В качестве руководящего ядра этой «организации» фигурировали практически все партийные и советские деятели республики с момента ее образования (Е. Фрешер, А. Вельш, Г. Люфт, И. Шваб, В. Курц, Г. Фукс, Г. Клиnger, А. Моор,

А. Шнейдер, Х. Горст, И. Шенфельд, Г. Кёниг и др.). По данному делу арестовали сотни людей не только в АССР НП, но и по всей стране. Все «руководители организации» в 1937–1938 гг. по приговорам специальных трибуналов, «троек» и т.п. были расстреляны, остальные приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Всего же в эти годы в ходе операций НКВД в автономной республике были арестованы свыше 7 тыс. человек, из них расстреляны – 3.6 тыс. Если в целом по СССР тогда было репрессировано около 1% населения, то в АССР НП – почти 1.5⁶⁴.

В 1936–1937 гг. в рамках проводившейся сталинским режимом кампании по укреплению «социалистической законности» граждане республики участвовали в «обсуждении и принятии» новых конституций СССР, РСФСР, АССР НП, отразивших «победу социализма в СССР». Несмотря на свое демократическое содержание, новая Конституция АССР НП была, по существу, формальным документом, никак не влиявшим на политическую практику. В частности, после принятия новой Конституции СССР в декабре 1936 г. республика, согласно закону, выходила из состава Саратовского края и должна была подчиняться центральным органам власти РСФСР, но фактически ею еще почти год управлял Саратовский обком. Сложилась нелепая ситуация, когда важнейшие вопросы жизнедеятельности АССР НП решало партийное руководство соседней области. В частности, Саратовский обком был одной из инстанций, утверждавших новую Конституцию республики, принятую в 1937 г., он утверждал кандидатуры на должности наркомов АССР НП, председателей кантисполкомов и т.п.⁶⁵ Попытки партийных руководителей республики (А. Вельша, В. Гусева) поставить вопрос о выходе парторганизации республики из состава Саратовской областной организации ВКП(б) расценены в центре как «националистические проявления», и 19 января 1937 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О Немобкоме ВКП(б)» Вельш и Гусев были сняты со своих должностей⁶⁶. Потребовалось несколько месяцев, чтобы абсурдность ситуации стала очевидной. Лишь после того как партийных руководителей Саратовской обл. и немецкой республики А. Криницкого и Е. Фрешера в одной «связке» объявили «врагами народа» и репрессировали, новое партийное руководство АССР НП, которое возглавил Я. Попок, стало подчиняться непосредственно ЦК ВКП(б). Но ряд крупных предприятий республики, ее связь, торговля, снабжение до конца 1937 г. находились в подчинении не республиканских наркоматов, а саратовских областных учреждений. Зависимость от соседней области по многим вопросам жизнедеятельности сильно тормозила нормальное развитие республики⁶⁷.

«Культурная революция» в АССР НП в 1929–1937 гг. носила противоречивый, двойственный характер. С одной стороны, следует отметить достижения в росте образовательного уровня населения, всеобщее начальное образование, значительное увеличение числа средних и неполных средних школ, ликвидацию детской неграмотности и существенное снижение взрослой, появление национальных высших и средних специальных учебных заведений, театров и других культурных учреждений, определенное развитие литературы и искусства⁶⁸, с другой – культура оказывалась под жестким идеологическим контролем, многие работники образования, науки, писатели, художники подвергались гонениям и репрессиям.

17 ноября 1934 г. обком ВКП(б) издал постановления «Об активизации кулацко-националистических элементов в Немреспублике», «О постановке интернационального воспитания в школах» и «О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР немцев Поволжья». В них утверждалось, что установление фашистской диктатуры в Германии привело к резкой активизации «контрреволюционных буржуазно-националистических элементов» в республике. Говорилось, будто в школах, техникумах, вузах, учреждениях культуры фашисты маскировались в «национальный костюм», что проявлялось в «засоренности национализмом» учебников, распространении «идеологически невыдержанных» национальных песен, в «выхолащивании интернационализма» из учебных дисциплин, литературных произведений, спектаклей и т.п., в разжигании национальной розни среди молодежи, в активизации «поповских элементов». Бюро обкома требовало от партийных орга-

низаций Немреспублики «особой бдительности и беспощадного разгрома местного контрреволюционного немецкого национализма»⁶⁹. Началась кампания запретительства и преследования многих национальных традиций, обычаев. По обвинению в «национал-фашизме» подверглись репрессиям известные деятели науки и культуры, среди них писатель Г. Завацкий, художник Я. Вебер, композитор Г. Давид и др. Особенно пострадали в этой кампании учителя, преподаватели техникумов и вузов, составлявшие основную часть поволжско-немецкой интеллигенции. 31 декабря 1935 г. бюро обкома ВКП(б) АССР НП приняло постановление «О контрреволюционных вылазках в школах», в котором продолжалась линия на нагнетание массового психоза в поиске «фашистов». В качестве «фашистских проявлений» в постановлении фигурировали: прослушивание и пересказ передач германского радио, любые проявления симпатий к Германии, высказывания, объективно отражавшие положение дел в немецкой автономии, проявления антипатий к Сталину, пересказ анекдотов и исполнение частушек «антисоветского» содержания и др.⁷⁰

В течение 1930–1940 гг. были закрыты и уничтожены многие десятки храмов разных конфессий, подверглись издевательствам и репрессиям священнослужители. К концу 1930-х гг. деятельность всех конфессий – лютеранской, католической, православной и др. – фактически носила полулегальный характер. И хотя религиозная жизнь, особенно в селах, не замирала, крупномасштабные действия большевистской власти против религии имели для духовности народа самые непоправимые последствия. Уничтожение духовных корней жизни народа не могло пройти бесследно. Вместе с массовой идеологической пропагандой среди населения АССР НП оно приводило к постепенному росту числа людей новой «социалистической» формации – фанатично приверженных большевистскому режиму и мифу, видевших окружающий мир лишь сквозь призму «классовой борьбы» – подлинных «винтиков» сталинской системы.

На последнем этапе истории АССР НП (1938–1941 гг.) ее экономика не переживала искусственных потрясений, что позволило обеспечить более или менее поступательное развитие всех отраслей народного хозяйства. По-прежнему главной из них оставалось сельское хозяйство. Руководство страны и АССР НП было вынуждено вводить в действие экономические стимулы, но они сочетались с администрированием и произволом. Тем не менее в 1940 г. собрали рекордный за все время существования немецкой автономии урожай зерновых – 1 187 тыс. т. 1 января 1941 г. в АССР НП провели перепись скота, согласно которой в республике имелось: лошадей – 43 тыс., крупного рогатого скота – 170 тыс., овец и коз – 350,2 тыс., свиней – 89,1 тыс., верблюдов – 3,4 тыс.⁷¹ В промышленности удалось добиться дальнейшего роста производства и выполнения плановых заданий, правда, за счет усиления эксплуатации рабочих и инженерно-технического состава, интенсификации их труда и повышения трудовой дисциплины под угрозой административных санкций и судебных репрессий. Как и раньше, развитие энергетики, транспорта, связи не успевало за потребностями народного хозяйства и населения АССР НП. Практически не решались проблемы благоустройства городов. В основном, народное хозяйство немецкой автономии к началу войны смогло превзойти дореволюционный уровень, особенно в промышленности. В то же время по целому ряду показателей сельскохозяйственного развития этого сделать так и не удалось.

Заметных успехов достигло здравоохранение республики. К 1941 г. здесь действовали 53 больницы, 11 родильных домов, 90 амбулаторий, работало 259 врачей, в том числе 50 участковых, 1 292 человека среднего медицинского персонала; существенно было снижено число различных заболеваний, особенно инфекционных. В то же время ощущалась нехватка лекарств, оборудования и специалистов для сельских больниц⁷². Развитие торговли свидетельствовало о том, что благосостояние жителей республики перед самой войной начало реально улучшаться. Все больший удельный вес в общем объеме проданных товаров стали занимать культтовары (патефоны, музыкальные инструменты и т.п.), мебель, предметы домашнего обихода, парфюмерия, кондитерские изделия.

Масштабы репрессий существенно уменьшились. Происходил бурный рост республиканской организации ВКП(б). В 1940 г. ее численность превысила 10 тыс. человек (немцы составляли 49.6%). Появились массовые первичные партийные организации на производстве, оказывавшие существенное влияние на жизнь предприятий. Массовой стала и комсомольская организация республики (на 1 января 1941 г. – 23.8 тыс. человек)⁷³. В 1938 г. вместе с выборами в Верховный Совет РСФСР прошли выборы в Верховный Совет АССР НП, в 1939 г. – в местные советы. Кандидатами в депутаты выдвигались не только партийные и комсомольские работники, но в большинстве своем люди, пользовавшиеся уважением у окружающих, лояльные к советской власти. Выше половины всех кандидатов (51.4%) были беспартийными⁷⁴.

Национальная политика в республике накануне войны не претерпела каких-либо серьезных изменений. В партийных структурах, которым принадлежала реальная власть, немцы в основном были на второстепенных ролях. Подавляющее большинство сотрудников разбухшего аппарата обкома ВКП(б) и республиканских учреждений даже не знали немецкого языка. Однако немцы занимали высшие государственные посты. В частности, перед войной председателем Верховного Совета АССР НП был железнодорожник К. Гофман, председателем Совнаркома – молодой инженер А. Гекман⁷⁵. Противоречивые тенденции продолжали наблюдаться и в сфере образования и культуры. В предвоенные годы увеличивалось количество школ в республике, особенно средних и неполных средних, росло число учащихся в них. К октябрю 1940 г. в 172 начальных школах числились 15.1 тыс. учащихся, в 215 неполных средних школах – 58.8 тыс., в 72 средних школах – 39.8 тыс. Кроме того, в 36 вечерних школах для взрослых обучалось 1.3 тыс. человек. С 1 сентября 1939 г. в АССР НП официально было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение⁷⁶. В то же время тяжелым ударом по системе высшего и среднего национального образования стали решения правительства страны от 2 октября 1940 г., и, прежде всего, введение платы за обучение в вузах и старших классах средних школ. Они привели к резкому (более чем на половину) сокращению числа юношей и девушек, получавших среднее и высшее образование, особенно на родном языке. Кроме того немецкие вузы вынуждены были создавать русские отделения, в том числе – за счет сокращения приема молодежи на немецкие. Так, в Немецком государственном педагогическом институте после отсева студенты-немцы составляли 36.3%, русские – 60.6%. Такой процент немцев, конечно же, считался явно недостаточным для национального вуза, готовившего кадры для немецких сел⁷⁷.

В 1938–1941 гг. продолжались некоторые позитивные сдвиги в культурной жизни. Число библиотек за три года возросло с 93 до 123, их книжный фонд вырос более чем на 200 тыс. экземпляров и составил к концу существования республики 787.3 тыс. томов. Число клубных учреждений увеличилось с 541 до 667, были введены в строй 5 новых кинотеатров, в том числе центральный кинотеатр «Родина» в г. Энгельсе на 500 мест. К началу войны в немецкой автономии функционировали 20 кинотеатров различных типов и 31 кинопередвижка, из которых 20 были звуковыми. В Энгельсе работала собственная студия кинохроники. Если в 1937 г. она выпустила 7 немых киножурналов, то в 1938 г. – 5 немых и 2 звуковых, а в 1939 г. – 18 звуковых и 7 немых киножурналов. Однако весной 1940 г., несмотря на обращение руководства республики в центральные партийные и советские органы, киностудию закрыли. Углублялся, расширялся процесс радиофикации. В 1940 г. в республике насчитывалось 23 радиоузла: в Энгельсе и каждом кантональном центре. Число радиоточек приблизилось к 12 тыс., в том числе около 3.5 тыс. в сельской местности.

В репертуаре немецкого и русского драматических театров в предвоенные годы уменьшилось число спектаклей немецкой и русской классики, зато существенно возросло количество пьес советских авторов, прославлявших «социалистическую действительность». В 1940 г. по идеологическим соображениям с постановки были сняты спектакли «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Егор Булычев и другие» М. Горького⁷⁸. Продолжалась практика запретов и изъятия из библиотек книг местных авторов по указанию бюро обкома ВКП(б). В разряд «вражеской литературы» попали даже нотные

сборники опальных композиторов. Едва ли не самой популярной книгой в Немреспублике, в результате усиленной пропаганды, с 1938 г. стал «Краткий курс истории ВКП(б)», спешно переведенный на немецкий язык. Общий тираж всех газет АССР НП (республиканских и кантональных) в начале 1940 г. превышал 100 тыс. экземпляров. Издание такого большого количества газетной продукции, как и содержание 35 редакций, требовало немалых затрат⁷⁹.

Начало войны почти все население АССР НП восприняло как личную трагедию. Республика быстро и достаточно организованно проводила все мобилизационные мероприятия, перестраивала экономику и жизнь на военный лад. Главные усилия в летние месяцы были сосредоточены на уборке урожая и выполнении государственного плана хлебозаготовок. На помощь колхозам и совхозам мобилизовали свыше 40 тыс. горожан⁸⁰. Архивные источники свидетельствуют о высоких трудовых достижениях граждан немецкой национальности, их благородных патриотических поступках, направленных на достижение победы над врагом. Так, например, слесари Визенмиллерской МТС Зельманского кантона Ф. Циммерман, И. Цигельман и токарь Я. Еккель выполняли в июле–августе дневные задания на 200–300%. Трактористка Базельской МТС Унтервальденского кантона Элла Шандер выполняла дневные нормы на 180%. Колхозницы Луиза Винтергольцер и Анна Кексель из села Мангейм Гнаденфлюрского кантона вместо 300 снопов по норме ежедневно вязали по 500 и более снопов. В том же селе колхозник Карл Айферт изобрел специальные волокуши, позволившие в 3 раза поднять производительность труда на вывозе соломы из-под комбайнов. Работницы и инженерно-технический состав фабрики им. К. Либкнехта в г. Бальцере работали в выходной день и всю заработанную сумму – 10 770 руб. – передали в Фонд обороны. Колхозники колхоза им. Сталина Лизандергейского кантона собрали для раненых бойцов госпиталя в г. Энгельсе по одному центнеру масла и молока, три центнера мяса, 50 кг сыра. Широкое распространение получило донорство. Если до войны в Бальцерском кантоне было всего 4 донора, то к августу 1941 г. их стало 1 005 (в том числе в Энгельсе – 470 доноров, в Шиллинге – 233, в Байдеке – 255)⁸¹.

К началу войны в Красной армии служили не менее 16 тыс. военнослужащих немецкой национальности, призванных из Поволжья⁸². И хотя с конца 1941 г. всех немецко-военнослужащих начали демобилизовывать, все же в самые трудные военные месяцы лета и осени 1941 г. они воевали на фронте, многие из них сумели проявить мужество, героизм, высокое воинское мастерство⁸³. Подвиги и достижения советских немцев на фронте на первых порах получали достойное освещение. Так, «Комсомольская правда» в течение одной недели в августе 1941 г. дважды обращалась к теме фронтовых подвигов советских немцев: 24 августа рассказала о героически погибшем красноармейце Генрихе Гофмане, а 28 августа – о красноармейце Генрихе Неймане, сбившем четыре неприятельских самолета. Оба они призывались в армию из Республики немцев Поволжья.

С началом войны советское руководство вновь, уже в который раз, попыталось использовать республику и ее немецкое население в качестве инструмента давления на «братьев по классу» в Германии и солдат ее оккупационной армии. В июле–августе 1941 г. почти все взрослое население республики было втянуто в мощную контрпропагандистскую кампанию: граждане должны были активно демонстрировать свой советский социалистический патриотизм и взывать к соответствующим социальным слоям и группам в Германии и ее вооруженных силах в целях пробуждения в них просоветских и антифашистских настроений. По указанию ЦК ВКП(б) обком ВКП(б) АССР НП составил специальный план поступления резолюций митингов, патриотических писем и обращений из всех городов и кантонов республики, расписанный по кантонам, датам, социальным и профессиональным группам, предприятиям, организациям, учреждениям и т.п. Например, один из самых маленьких кантонов – Эрленбахский – по разнарядке должен был представить в обком партии резолюции митингов: от рабочих артели «Цукунфт» – 16 июля, от Розенбергской МТС – 17 июля, от двух лучших колхозов – 18 июля, от интеллигенции кантона – 19 июля⁸⁴. Все резолюции, письма и обращения

в тот же день направлялись в ЦК ВКП(б), многие из них публиковались в центральных газетах, использовались в радиопередачах на Германию, в качестве листовок для «распропагандирования» германских войск.

Контрпропагандистскими документами самого высокого уровня стали обращения к германскому народу председателя Верховного Совета АССР НП К. Гофмана и председателя Совнаркома А. Гекмана. Гофман, обращаясь к солдатам, рабочим, крестьянам, интеллигенции Германии, заявлял: «С чувством величайшей тревоги мы думаем о вас, страдающих под гнетом гитлеровской шайки жалких вырожденков, гнусных разбойников и головорезов, затоптавших в грязи и крови все лучшее, что есть в трудолюбивом и культурном германском народе». «Не проливайте своей крови во имя разбойничьих целей Гитлера! – призывал он. – Поверните ваше оружие против вашего заклятого врага Гитлера и всей его кроваваджной банды насильников. Лишь после уничтожения Гитлера и его своры вы сможете зажить свободной и счастливой жизнью. Долой кровавый фашизм! Восставайте на борьбу за свободную Германию!» Ему вторил Гекман: «Жизнь немцев Поволжья в стране Советов свободна, радостна и зажиточна. Жизнь трудового народа Германии под господством фашистской клики является сплошным кошмаром, полна страданий, неслыханного гнета и лишений... Поверните штыки против фашистских людоедов, помогите народам стереть с лица земли агрессоров, освободить народы от ужаса, бедствия и страданий, в которые повергли их германские фашисты»⁸⁵. Все другие обращения, резолюции и письма «трудящихся» по содержанию и стилю удивительно похожи на отмеченные выше выступления руководителей АССР НП. В обязательном порядке в них присутствуют: рассказ о «зажиточной, культурной и счастливой жизни» советских немцев, о трудовых подвигах во имя социализма; живописание «нужд и мучений», которые испытывают германские «трудящиеся» под «гнетом фашизма»; призыв к различным слоям населения Германии (в зависимости от того, кто принимал резолюцию или обращение) «повернуть оружие» против Гитлера «и его своры» и переходить на сторону СССР. В силу своей примитивности и неблагоприятного для СССР положения на фронтах кампания не дала серьезных результатов.

Провал контрпропагандистской кампании, крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге, а также поступающие в Москву сообщения об «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываниях отдельных граждан АССР НП предрешили ее судьбу. 26 августа 1941 г. было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»⁸⁶. Подготовка к депортации поволжских немцев проводилась скрытно. 28 августа в указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» данное решение обосновывалось безосновательными и абсурдными утверждениями, что в республике «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья»⁸⁷ (30 августа этот указ опубликовали в республиканских газетах «Nachrichten» и «Большевик»).

Депортация была осуществлена с 3 по 20 сентября по заранее разработанному плану, проводилась жестко, но без физического насилия, поскольку ошеломленный народ покорился судьбе и не оказывал сопротивления. Всего, по данным НКВД, выселили 438.6 тыс. немцев, в том числе из АССР НП – 365.7 тыс., из Саратовской обл. – 46.7 тыс., из Сталинградской – 26.2 тыс. человек. Операцию обеспечивали подразделения войск НКВД и милиции общей численностью 12.3 тыс. человек. В целях «профилактики» органами НКВД были арестованы 349 человек, признанных «антисоветскими элементами». Для перевозки немцев Поволжья использовалось 188 эшелонов⁸⁸. Перевозку депортированных в Сибирь и Казахстан провели в установленные сроки и без каких-либо серьезных эксцессов. 6 сентября 1941 г. постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Республика немцев Поволжья была ликвидирована, а ее территория поделена между Саратовской и Сталинградской областями. 7 сентября 1941 г. по этому поводу был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР⁸⁹.

Несмотря на официальные обвинения, выдвинутые против поволжских немцев, жесткое, а временами жестокое отношение местных властей к выселяемым, значительное число жителей Поволжья сохраняли к своим согражданам немецкой национальности теплые чувства, человеческое отношение. Об этом до сих пор хорошо помнят многие ныне пожилые немцы-волжане. В фонде Саратовского обкома ВКП(б) сохранились уникальные документы, подтверждающие это, в частности, «спецообщение» № 124сс от 13 сентября 1941 г. «О выражении сожаления и организации подарков для переселяемых немцев в столовой-ресторане № 7, в облпотребсоюзе, в дорпрофсоже РУЖД и 43 средней школе»⁹⁰.

Только в 1964 г. в закрытом указе Президиума Верховного Совета СССР были признаны необоснованными все обвинения советских немцев в пособничестве врагу в 1941 г.⁹¹, после чего очень медленно и непоследовательно началось восстановление их гражданских прав. Оно затянулось на многие годы. Лишь в 1972 г. немцам разрешили вернуться на постоянное жительство в Поволжье⁹².

Примечания

¹ 19 октября 1918 г. по 6 января 1924 г. – Автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья. С 6 января 1924 г. по 7 сентября 1941 г. – АССР немцев Поволжья.

² Эта растерянность проявилась, в частности, в массовой эмиграции немцев из Поволжья за рубеж, главным образом, в Америку.

³ Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 16–32.

⁴ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 2007. С. 12.

⁵ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 28.

⁶ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 251–252.

⁷ Бичанина З.И. Указ соч. С. 34–35.

⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... С. 224.

⁹ Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья. Саратов, 2002. С. 49–50.

¹⁰ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 303.

¹¹ Цит. по: Тотфалушин В.П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 181–182.

¹² Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... С. 15–19.

¹³ Там же. С. 19–21.

¹⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 87.

¹⁵ Поволжский комиссариат по немецким делам как региональная структура Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР был создан в Саратове, в результате проведенных в Москве переговоров, и приступил к своей деятельности в конце апреля 1918 г. Ему прямо предписывалось стать «идейным центром социалистической работы среди немецкого трудового населения», обеспечить «народное самоуправление на советских началах» (Устав поволжского комиссариата по немецким делам // Известия ВЦИК. 1918. 5 июня). Возглавил его «коммунист-интернационалист», германский военнопленный Э. Рейтер, впоследствии известный германский социал-демократ, бургомистр Западного Берлина. В состав комиссариата вошли также военнопленный-австриец К. Петин и местные немцы-социалисты Г. Клиндер, А. Эмих и А. Моор. На первых порах, опираясь на пользовавшуюся в среде немецких поселенцев популярностью идею национальной автономии, Поволжскому комиссариату удалось создать в основной массе немецкого населения достаточно благожелательное отношение к своей деятельности. Это обуславливалось прежде всего тем, что комиссариат взял под защиту немецких крестьян, препятствуя самоуправству как местных губернских и уездных органов власти, так и воинских частей (к лету 1918 г. Саратовское Поволжье оказалось прифронтовой зоной). Вместе с тем, Поволжский комиссариат по немецким делам устанавливал в колониях советскую власть, создавая местные Советы, реализуя Декрет о земле, выполняя решения Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, формировал красногвардейские отряды для

«борьбы с контрреволюцией», препятствовал эмиграции немецкого населения Поволжья в Германию, которая происходила на основании Брестских соглашений. Подробнее см.: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 21–24.

¹⁶ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 75–76.

¹⁷ *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 35–38.

¹⁸ В область непрерывным потоком шли телеграммы от Ленина и других высших руководителей страны с требованиями «немедленной» отгрузки и отправки хлеба в Москву, в центральные промышленные районы, в армию. Никакие оправдания в расчет не принимались, в адрес руководства автономии звучали недвусмысленные угрозы расправы. Подробнее см.: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 48–61.

¹⁹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИ СО), ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 28, 92.

²⁰ 30 декабря 1919 г. в обком партии поступила телеграмма особоуполномоченного наркомата продовольствия в регионе А. Смирнова: «Условия текущей хлебной кампании совершенно определено выяснили, что сборка хлеба путем самотека, товарообмена совершенно неосуществима. Хлеб дают только организация систематического нажима на деревню, проведенная до самых низов... [В] целях поддержки требования все реквизиотряды, прототряды концентрируются [в] нескольких центрах, вызывающих сомнение исполнение: [в] случае невыполнения разверстки, халатности немедленно арестуется сельсовет или волсовет, передавая коммунистов партийному суду, беспартийных – Чека. Одновременно производятся поголовные реквизиции продуктов [в] размере всех ста процентов разверстки без учета каких-либо остатков [по] нормам. [В] случае же сознательного сокрытия излишков наряду [с] продуктами конфискуются весь скот, лошади. [О] принятых в этом порядке мерах, [а] равно фамилии арестованных возможно шире публикуются, сообщается губкому, уисполкому. Обычно двух-трех случаев таких конфискаций бывает достаточно, чтобы двинуть сыпку. Эти меры, широко и планомерно проведенные в Тамбовской губ., дали прекрасные результаты: губерния [в] течение [с] сентября по 20 октября заготовившая всего шестьсот пятьдесят пять тысяч, с двадцатого по тридцать первое дала триста две тысячи и с первого по 20 ноября восемьсот тысяч. Настойчиво требую тех же решительных мер от всех губпродкомов» (ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 144).

²¹ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 70.

²² Там же, д. 6, л. 225. Моргентану – ныне с. Суетиновка Старополтавского района Волгоградской обл.

²³ Там же, л. 144. Франк (Медведицкий Крестовый Буерак) – ныне с. Медведицкое Жирновского района Волгоградской обл. Байдек (Таловка) – ныне с. Луганское Красноармейского района Саратовской обл.

²⁴ Там же, л. 197. В представлении руководителей Советского государства когда-то зажиточные немецкие села были «кулацкими гнездами», имевшими неисчислимы запасы продовольствия и не желавшими помогать пролетариату. Это представление проскальзывает в текстах писем и телеграмм, направлявшихся из центра в немецкую область. Отсюда и жестокость, с которой изымалось продовольствие.

²⁵ Там же, д. 29, л. 177–177 об. Подробнее см.: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 94–107.

²⁶ *Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926.* С. 22.

²⁷ *Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах.* С. 247.

²⁸ По данным, приведенным руководством области немцев Поволжья на X съезде Советов (ноябрь 1922 г.), весной и летом 1922 г. иностранные благотворительные организации кормили 91% населения области. За весь период голода ими было поставлено в область 1 562 тыс. пудов (около 25 тыс. т) продовольствия. За это же время государственные поставки составили 187,8 тыс. пудов (чуть более 3 тыс. т). (ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 185, л. 80–81; д. 199, л. 14 об.)

²⁹ *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 144.

³⁰ Там же. С. 145. Маркштадт – до 1914 г. Екатериненштадт, в 1914–1919 гг. – Екатериноград, в 1919–1942 гг. – Маркштадт, ныне г. Маркс Саратовской обл. Покровск – ныне г. Энгельс Саратовской обл.

³¹ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 199, л. 9 об.

³² Там же, д. 499, л. 6–7.

³³ Там же, л. 6.

³⁴ Там же, л. 19–20.

³⁵ Там же, л. 9.

³⁶ Там же, д. 424, л. 88.

³⁷ Там же, д. 420, л. 199 об.

³⁸ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 179–180.

³⁹ Там же. С. 235–236.

⁴⁰ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 674, л. 35.

⁴¹ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее – ГИА НП), ф. 849, оп. 1, д. 292, л. 14, 26, 59, 64, 73–76.

⁴² Там же, д. 179, л. 84.

⁴³ Посевные площади под наиболее ценную зерновую культуру – пшеницу, бывшую до революции основной в немецких колониях, к концу нэпа составили всего лишь 57% дореволюционного уровня. В то же время почти в 2 раза увеличились посевные площади под озимую рожь. См.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 169.

⁴⁴ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 127.

⁴⁵ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 55.

⁴⁶ Текст конституции АССР немцев Поволжья 1926 г. см.: История российских немцев в документах. С. 82–136.

⁴⁷ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 65.

⁴⁸ «Unsere Wirtschaft» («Наше хозяйство». – нем.) – научно-популярный, хозяйственно-экономический, общественно-политический и культурно-просветительский журнал, издавался в 1922–1927 гг. в АССР НП на немецком языке, представлял научную и информационную ценность, был популярен в республике и широко известен за ее пределами. В 1923 г. признан лучшим немецким периодическим изданием в СССР и получил премию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Примечательно, что журнал пользовался доверием ученых и журналистов за рубежом. В США, Германии, Австрии, Швейцарии в научных и популярных изданиях нередко можно было встретить сведения об АССР НП, почерпнутые из «Unsere Wirtschaft».

⁴⁹ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 16.

⁵⁰ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 155, 156.

⁵¹ Там же, л. 156.

⁵² Там же, д. 1550, л. 25.

⁵³ Там же, д. 1340, л. 212–214; ГИА НП, ф. 849, оп. 1, д. 644, л. 34–93.

⁵⁴ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 1575, л. 184–190.

⁵⁵ Там же, л. 81, 82, 84. Мариенфельд – ныне с. Новониколаевка Котовского района Волгоградской обл.

⁵⁶ Для Немреспублики была установлена «норма раскулачивания» в 7 тыс. хозяйств – на 1–1.5 тыс. больше, чем в любой другой административной единице Нижневолжского края (ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 1575, л. 223).

⁵⁷ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 1737, л. 300.

⁵⁸ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 268, 272.

⁵⁹ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 103.

⁶⁰ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 302.

⁶¹ «Neues Leben». 1994. № 312. 17 августа. С. 6.

⁶² ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 2294, л. 1, 2, 64.

⁶³ Там же, д. 2362, л. 181.

⁶⁴ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 67–68.

⁶⁵ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 3085, л. 76.

⁶⁶ Там же, д. 3071, л. 17–24, 222–223; ф. 594, оп. 1, д. 922, л. 14–21.

⁶⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3071, л. 7–25, 232–239.

⁶⁸ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 331–351. К 1941 г. в АССР НП было два вуза (Немецкий государственный педагогический институт и Немецкий государственный сельскохозяйственный институт) и 18 средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного, агропромышленного, медицинского, педагогического и культурного профилей.

⁶⁹ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 2154 а, л. 94, 95, 118, 119; д. 2362, л. 26–36, 80–89; д. 2396, л. 18–22, 77–108.

⁷⁰ Там же, д. 2303, л. 61 об; д. 2661 г, л. 267–273.

⁷¹ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 131, 251, 252.

⁷² Там же. С. 132.

⁷³ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 380–382.

⁷⁴ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 4537, л. 1.

⁷⁵ Первая сессия Верховного Совета АССР Немцев Поволжья, 25–27 июля 1938 г. Стенографический отчет. Энгельс, 1938. С. 95–97.

⁷⁶ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 4968, л. 35; д. 4160, л. 133.

⁷⁷ Там же, д. 3819, л. 58–60.

⁷⁸ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 394–396.

⁷⁹ Там же. С. 396.

⁸⁰ Там же. С. 404.

⁸¹ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 4835, л. 9–13, 22–27, 35–39, 48–53, 63–69, 75–77, 95–97, 200–208.

⁸² Российский государственный военный архив, ф. 4, оп. 14 с, д. 2318, л. 7.

⁸³ Героем Советского Союза посмертно стал летчик, капитан Н. Гастелло. Среди удостоенных в августе 1941 г. правительственных наград – полковник Н. Гаген (орден Ленина), генерал-майор Г. Шульц (орден Красного Знамени), капитан А. Шварц (орден Красной Звезды) и др. (Красная Звезда. 1941. 10 августа).

⁸⁴ ГАНИ СО, ф. 1, оп. 1, д. 4968, л. 11–15.

⁸⁵ Там же, д. 4835, л. 156–161, 180.

⁸⁶ Текст постановления см.: *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 229–233.

⁸⁷ История российских немцев в документах. С. 159.

⁸⁸ Подробнее о проведении депортации немцев Поволжья см.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге... С. 417–460, 491–505.

⁸⁹ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 1. 1938–1975. М., 1975. С. 81.

⁹⁰ ГАНИ СО, ф. 594, оп. 1, д. 2752, л. 25.

⁹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”» // История российских немцев в документах. С. 178–179.

⁹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» // История российских немцев в документах. С. 179.